не масштабно-синтаксической организации можно наблюдать становление самого принципа пары периодичностей, выходящей в № 3, 4 на самое видное место.

№ 9. Разнообразные песни-благодарствия широко распространены, при этом среди них мало поэтических вариантов к № 9. Некоторые параллели см.: *Зырянов*, № 635.

Песня имеет стиховой напев тонической двухакцентной основы, отличительным признаком здесь является переменное количество слогов, от восьми (в нерасширенном виде) до одиннадцати в стихе, который часто цезурируется и распадается на слоговые группы в двух одинаковых по величине музыкальных построениях. Подобные напевы встречаются в севернорусских и во многих других свадебных традициях (например *Русская свадьба*, т. 1, № 145, 203, 208). В песне № 9 цезура возникает в стихах 1 — 6 и делит напев на равновеликие построения, первое в четвертных счетных единицах музыкального времени, тогда как второе в восьмушечных, за счет которых стих расширяется. Как и в № 8, возникает контрастное сопоставление внутри напева слогоритмически урегулированного построения (теперь оно слева), в данном случае из четырех слогонот в четвертных длительностях, и другой половины напева (справа), которая организуется уже не слогоритмически, а мерноритмически (по типу временников) с накоплением в ней восьмушечных, коротких слогов.

Это маятникообразное раскачивание «слева направо», из одной системы ритмической организации в другую, приводит к прорыву нестабильности в композиции величания, решающий же перевес оказывается на стороне мерноритмической организации. Вследствие этого в крупном композиционном плане происходит межвидовая модуляция из песни в припевку («Мы напудримся») через общий для них мелодический контур в клаузуле (спуск с квинтового тона). Автономизация неоднократно повторенной концевой музыкальной фразы в чем-то напоминает собой некоторые припевки-тирады в свадьбе русско-украинского пограничья, особенно со стихом (6+6) слогов.

Как и в № 2, тирадные средства не только и не столько выявляют повествовательную структуру того или иного текста, сколько переносятся на уровень музыкального гипертекста и связывают попарно один вид вокального фольклора с другим его видом (причитание и песня в № 2, песня и припевка в № 9).

Материал подготовил
А.Н. ИВАНОВ
(Москва)

М.Г. МАТЛИН
(Ульяновск)

СОВРЕМЕННЫЕ СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА УЛЬЯНОВСКА

Современный русский городской свадебный обряд — сложное социокультурное явление, порождаемое взаимодействием двух принципиально различных культур: фольклорной, представляющей собой «комплекс традиционной духовной культуры, реализуемой в словах, идеях, представлениях, звучаниях, движениях, действиях» [Путилов 1994, 23], коллективно-традиционной — и «современной», профессионально-личностной, индивидуально-креативной [Каган 1996, 359—361][1]. Несмотря на то что фольклористы, этнографы давно и плодотворно ведут наблюдения над современной сельской брачно-свадебной обрядностью [Пушкарева, Шмелева 1959; Карпухин 1970; Круглов 1971; Балашов 1985; Жекулина 1982; Зорин 1981; Невская 1982 и др.], городская свадьба по существу выпала из их поля зрения: до сих пор практически нет ни публикаций материалов, ни исследований, обобщающих и систематизирующих огромное количество разнородных явлений и фактов, относящихся к этой сфере[2].

Сложность изучения современной русской городской свадьбы обусловлена еще и той специфической особенностью фольклора в целом, которую академик Н.И. Толстой определил как «диалектность», то есть функционирование системы региональных и локальных типов [Толстой 1995, 13]. Это, в свою очередь, диктует необходимость особой методологии и методики описания и анализа обрядов (см. об этом [Толстой 1974; Байбурин 1983; Гура 1981; Гура 1983; Щуров 1986 и др.]).

---

[1] Свадебный обряд в XX в. постепенно стал главной формой традиционной праздничной культуры, «втянувшей» в себя необрядовые песни, молодежные развлечения и игры, тексты и действия низовой смеховой культуры (в том числе эротической) и др.

[2] Исключением являются работы Г.В. Жирновой, посвященные исследованию брака и свадьбы современного русского города [Жирнова 1980 и др.].

Таким образом, характеристика современного русского городского свадебного обряда возможна только на основе интегрирования (через картографирование, создание сводных таблиц элементов и т.п.) регионально-локальных вариантов с учетом как синхронного, так и диахронного аспектов. Необходимо также принимать во внимание другие этапы существования традиции (например, в XX в. можно выделить 10 — 20-е гг., 30 — 40-е гг., 50 — 70-е гг.), учитывать варианты обрядов в зависимости от социальной и социально-топографической структуры города (например, особенности традиции в среде гуманитарной интеллигенции и рабочих строительной индустрии, коренного населения и мигрантов, в центре и на городских окраинах и др.). В преддверии интегрированного подхода промежуточным этапом изучения может стать описание конкретной региональной традиции, например, современной городской свадебной обрядности на территории Ульяновской обл., чему и посвящена данная работа.

Основные этно-демографические особенности Ульяновской обл. в послевоенный период определяются, в первую очередь, достаточно резким увеличением населения как в областном центре, так и в городах областного подчинения. При постоянной площади области в 37,2 тыс. кв. км и увеличении общего количества населения с 1117,4 тыс. чел. в 1959 г. до 1479,6 тыс. чел. в 1994 г. городское население выросло в 2,5 раза (с 404,4 тыс. чел. в 1959 г. до 1070,5 тыс. чел. в 1994 г.) и составляет сейчас 72,4 % всего населения, тогда как сельское сократилось с 63,8 % в 1959 г. до 27,6 % в 1994 г. Другим важным фактором является то, что в условиях длительных контактов разных этносов, проживающих в Ульяновской обл. (прежде всего это татары, мордва, чуваши), доля семей, в которых супруги принадлежат к разным этносам, составляла на 1989 г. 16,3 % от всех городских семей (в селе таких семей 13,3 %) [Шабалина 1972, 10; Статистический сборник 1994, 5; Перепись населения 1988, 68]. Поэтому при рассмотрении русской городской свадебной обрядности необходимо учитывать как моноэтнические (русские, мордовские, чувашские и др.) традиции, так и результаты межэтнических взаимодействий и формирующиеся на основе собственно городской культуры общие, в определенной степени надэтнические, особенности свадьбы в современном городе.

Описание традиции построено на стенограммах стандартизированного интервью с открытыми вопросами, составленными Г.П. Анашкиной [Анашкина 1997а]. Задаваемые вопросы касались собственно обрядовых особенностей каждого из этапов свадьбы (предсвадебный, канун свадьбы, день свадьбы, послесвадебный период), отношения информантов к существующей брачно-свадебной традиции. Интервью проведены автором и студентами УлГПУ, УлГУ и УПК № 4 в г. Ульяновске и городах областного подчинения Инзе, Димитровграде, Барыше главным образом в 1997 — 1998 гг. Информантами были люди разных возрастов, образования, социального положения. Так как на данном этапе не ставилась задача проведения полного этносоциологического или социокультурного исследования, а осуществлялось лишь первичное обследование с целью определения состава и структуры свадебной обрядности, то сведения об информантах минимальны. Для описания использовались также видеозаписи свадьбы, фотоматериалы и письменные документы, входящие в современную свадьбу[3].

Прежде всего отметим, что при сохранении в современном русском городском свадебном обряде традиционной трехчастной структуры (предсвадебный, свадебный и послесвадебный этапы) существенно изменилось содержание каждого из них[4]. Другим стало распределение функций среди действующих лиц и соответственно этому их закрепленность за этапами обрядов, обрядовых актов, свадебных текстов в свадьбе[5]. Да и сами свадебные тексты, поэтические и музыкально-поэтические, сегодня также принципиально иные.

Предсвадебный этап почти лишен и обрядовости, и праздничности. В частности, **сватовство** — важнейший и обязательный обряд в свадьбе предшествующих периодов — стало элементом факультативным и почти полностью утратило обрядовую и праздничную семантику. Не случайно в ответах информантов в том случае, если сватовство было, очень часто только констатируется сам факт его про-

---

[3] Все материалы хранятся в фольклорном архиве кафедры литературы Ульяновского государственного педагогического университета. В сведениях по г. Ульяновску место записи не оговаривается.

[4] О степени распространения отдельных свадебных обрядов в современной городской и сельской свадьбе на территории Ульяновской области см. [Шабалина 1997, 87—109, табл. 38; Анашкина, Шабалина 1995].

[5] В работе использована терминология (акт, обряд, церемония, свадьба), разработанная А.В. Гурой [Гура 1978].

ведения, но ни о каких действиях, совершавшихся при сватовстве, не говорится. В селе же ритуально-праздничное начало в обряде сохраняется [Анашкина 1997б, 32].

Важным фактором современной свадьбы является участие в ней в качестве организатора и руководителя так называемого **тамады**, или, как его иногда определяют, «специалиста по обрядам». В подавляющем большинстве случаев он устанавливает порядок проведения свадебного пира, организует свадебное застолье. В единичных случаях тамада участвует и в обрядах предсвадебного этапа. Интересный тип тамады представляет собой В.И. Овсянникова (1939 г.р.). «*Мне 59 лет, я русская, по образованию педагог-воспитатель, работаю в детском саду вот уже 39 лет. Проведение свадеб и юбилеев — это мое хобби — я артистка народного театра музыкальной комедии.* — Где Вы проводите свадьбы? — *Да в нашем городе. Свадьбы всем своим знакомым, родственникам — я же не официальная тамада.* — Что такое сейчас сватовство? Кто в нем участвует? — *В нем участвуют родители, в первую очередь, крестная. Но сейчас мало знают обычаев, поэтому приглашают меня. Вот, сына моей подруги женили, я ходила сватать. Всё по-настоящему было... Это ведь старинные обряды и обычаи, это я брала у своей мамы, раньше видела (в детстве), как у нас сватали в Радищеве*[6]. *Накинула большой красивый платок, позвонили, пришли. Спросили: "По такому ли адресу мы пришли, проживает ли здесь девица Оля?" — "Проживает". — "Ну, что ж, у вас — товар, у нас — купец, привезли красного молодца". И села под матицу, а так как сейчас матицы нет, то села, значит в середину комнаты. Все смотрят. А мы предупредили, что стол заранее не накрывается. Вот я и сказала, что объявил наш дружок, красный молодец, что собирается жениться, полюбил он красну девицу — вашу Олю. "Покажите нам, пожалуйста, вашу Олю". Выходит с гордостью. "Так, пройдиська, Оля, по одной половице. Как ты пройдешься". Смотрим тут стать невесты. Прошлась Оля. Хорошо. Я бросаю медные деньги: "Собери-ка, Оленька, денежки". Мы примечаем: не ленива ли она — наклоняется ли низко. А Оля должна быть сообразительной: в первую очередь поклониться будущим свекру и свекрови, потому что они главные сватья. Собрала денежки и положила их на стол. "Ну, что ж, понравилась нам ваша красна девица. А как наш красный молодец вам понравился?" — "Ну, что ж, Сашу мы знаем: он к нам домой ходил. (Они же все сейчас домой ходят.) Он к нам ходил, — говорят. — Мы к нему привыкли как к сыну роднаму". Ну и всё. А теперь серьезный разговор будет*» (Зап. в 1998 г. Н.А. Шульгой от В.И. Овсянниковой, 1939 г.р.).

Возможны варианты, при которых общая празднично-карнавальная стихия, доминирующая сегодня в городском и сельском свадебном обряде, вторгается и в обряд сватовства. «*До свадьбы, как по обычаям, традициям, проводились некоторые мероприятия. Например, было сватовство. В роли сватьев, значит, была моя мама, тетя Ярослава* (тетя жениха. — *М.М.*), *и мой папа, дядя Ярослава. Они пришли свататься к невесте в дом. У них, значит, тоже в доме была ее мама, папа, она сама была, потом была у них старушка, которую они тоже хотели сосватать сначала вместо Гели* (невеста. — *М.М.*)... *Когда мы пришли, постучались. Стали тут песни петь, причитать, что вот пришли свататься. Потом: "Давайте показы! Вот жених, давайте, показывайте нам невесту!". Вот они нам говорят: "Вот ваша невеста!". И показывают бабульку. А мы говорим: "Это не невеста. Мы для этой невесты и жениха найдем — деда нашего приведем!". Вот. Ну, посмеялись так. Потом выходит сама Геля. Мы стали у нее расспрашивать, что она умеет делать. Заставили ее собрать мясорубку — умеет ли она это делать. Что по дому выполняет, какие у нее поручения*» (Зап. в 1998 г. О.В. Козициной от О.В. Деменчиковой, 1978 г.р.; рассказ о свадьбе 1997 г.).

В связи с тем, что день регистрации брака и, значит, день проведения свадебного торжества часто определяется датой, назначенной во Дворце бракосочетания, подача заявления нередко предшествует сватовству.

После сватовства следует еще **одна или несколько встреч роднящихся семей**. Количество встреч, их названия, акты, из которых они состоят, широко варьируются. Например, эти встречи могут называться «сговором», «домашним обручением», «помолвкой», «запоем». Информанты при этом часто путаются в терминах, иногда разными терминами обозначают функционально идентичные обряды или дают совершенно противоположные, основанные на субъективном осмыслении, толкования наименованиям обрядов. Представляется, что это свидетельствует не столько о разрушении традиции, сколько о том, что обряд сохранил-

[6] Районный центр Ульяновской обл., ныне поселок городского типа.

ся в структуре современной городской свадьбы, но еще не обрел ни своего имени, ни специфического содержания.

Вариативен, почти лишен ритуальной семантики **запой**, составлявший некогда центр первой фазы предсвадебного этапа: «*22 ноября (или декабря) у них был запой. Приехали родственники жениха к невесте. Там накрыли стол.* — А ты как подруга была там? — *Нет, меня там не было.* — А другие подруги были? — *Нет, не было никого. Только, значит, мама, папа и близкие друзья семьи: муж с женой, а со стороны жениха приехали: мама, папа и тетя с дядей. Вот они посидели, всё это обговорили, как полагается, за бутылочкой водочки. Будущих молодоженов выпроводили из-за стола. И дальше обсуждали детали*» (Зап. в 1998 г. О.М. Аблаевой от Е.В. Савостьяновой, 1977 г.р.; рассказ о свадьбе 1998 г.). Информанты подчеркивают, что в обряде участвуют только семьи жениха и невесты. Запой сохраняет праздничность, но в новой форме, традиционной для современного застолья (застольные развлечения, анекдоты, мемораты, песни, танцы).

Выпали полностью или редуцировались до чисто бытового действия редкие на территории Ульяновской обл. в предшествующие периоды XX в. обряды в промежутке от **осмотра дома жениха до бани**, которые А.В. Гура определил как подготовку к браку [Гура 1978, 74, 83].

В современной русской городской свадьбе не распространен обычай ограничивать общение жениха и невесты и посещение ими традиционных мест гуляний молодежи, за исключением некоторых случаев (определяемых, например, национальными обычаями или культурной ориентацией на них и др.).

Большинство информантов отмечали в качестве обязательного элемента приготовление невестой подарков родственникам жениха, покупку ею свадебной рубашки жениху. Но вот обычай покупки женихом свадебного платья для невесты считают необходимым далеко не все. Некоторые решительно заявляли, что свадебное платье должна обязательно купить сама невеста. Существует, хотя и не имеет массового распространения обычай брать свадебное платье напрокат, покупать в комиссионных магазинах и т.д. Как известно, со свадебным платьем существовало много поверий, специальных действий. В современной свадьбе повсеместно распространен запрет показываться в свадебном платье перед женихом, невеста не должна давать кому-либо его примерять.

В предсвадебный период может входить не обязательный и не общераспространенный обряд **передачи рубашки**, в котором праздничное начало не только не утрачено, но, наоборот, получило особое развитие. И если сватовство, запой в соответствии с традицией предыдущих периодов остаются делом исключительно старших членов двух семей, то в ритуале передачи рубашки главную роль играют, как правило, девушки. Девушки делают несколько рубашек, причем стараются сделать их одна «чуднее» другой. Они придумывают для себя своеобразную «сценическую версию» посещения дома жениха с рубашкой. «*Мы ходили вчетвером: сестра невесты, ее подруга с работы, я и моя сестра. Мы пришли к невесте домой. Невесту отправили в косметический кабинет, чтобы она готовилась к свадьбе. Мы решили, что мы сделаем себе вот такие визитки, на которых будет написано, например, "Агент Юля", "Агент Света", "Агент Лена" и "Агент Ира". Мы как бы представляли собой коммивояжеров, которые сейчас ходят по домам и что-то продают*» (Зап. в 1997 г. М.Г. Матлиным от Ю.А. Пыркиной, 1978 г.р.; рассказ о свадьбе 1997 г.).

Готовятся и со стороны жениха. «*Мы тоже готовились. Мы на двери, на входной, повесили объявление, что требуется свадебная рубашка, там, самая красивая, самая-самая. Короче, соврали, что очень большого размера. Ну, такое вот в шуточной форме объявление повесили на входной двери у подъезда и повесили такое же объявление на своей двери. У них же должна быть какая-то зацепка, почему они пришли продавать нам рубашку: увидели объявление, прочитали его и пришли к нам*» (Зап. в 1998 г. О.В. Козициной от О.В. Деменчиковой, 1978 г.р.; рассказ о свадьбе 1997 г.).

Театрализованность и импровизация присуща действиям всех участников этого обряда. «*Пришли, вроде, как в тот дом, где жених живет, продавать рубашку. Нас там ждали. Отец жениха стоял на лестнице. Мы стали подходить, а он перед нашим носом дверь закрыл. Мы были удивлены. Но потом мы постучались. Нам дверь немножко приоткрыли и спросили: "Кто вы такие и зачем сюда пришли?". Мы говорим: "Мы тут рубашки продаем, слышали, у вас здесь жених живет. Вам не надо рубашку?". Они: "Нет, нам не надо". Мы опять стоим, как эти, около двери. Еще раз постучались. Нас пустили. Мы прошли, встали у порога, стали разуваться, но нас остановили: "Мол, подождите, что это вы сюда пришли? Мы еще узнаем, кто вы такие!*

А они сразу раздеваются!". — А кто там был? — *Там собрались друзья жениха, братья, родители, тетя. Они стали спрашивать: "Зачем пришли?". Мы говорим: "Вот, из АО «Надежда». Продаем рубашки". Ну, они, вроде как, сказали: "Проходите". Но всё равно в дом не приглашают. И мы все так и стоим у порога»* (Зап. в 1997 г. О.М. Аблаевой от О.Г. Кузнецовой, 1975 г.р.; рассказ о свадьбе 1997 г.). В некоторых вариантах помимо «шуточных» рубашек жениху продавали и другие предметы мужской одежды — брюки, трусы, майку. Жениха при этом старались заставить примерить всё это на себя. «Ответом» со стороны жениха становится угощение «продавцов рубашки», которое также развертывается в смеховом ключе.

В современной городской свадьбе возможны совершенно необычные трансформации традиционных обрядовых действий, например, игровое переосмысление акта **продажи невестиной косы**: «*Потом, мы рубашку купили, они сказали, что вот, мол, невеста ходила на рынок, вся порастратилась, деньги-то за рубашку отдала, а где ей было денег взять — она взяла и себе косу отрезала. Вот косу-то продала, теперь без косы. Вот, возьмешь такую невесту? А они принесли косу, сплетенную из...* — Веревок? — *Да, по-моему, то ли из мочалки она у них была сплетена. Вот на конце такой ситцевый платочек, это бантик был приделан. Оригинальная такая коса. И вот говорят: "Покупай косу невесте, а то она не сможет показаться на люди". Она, мол, некрасивая, вся обстриженная. Косу свою продала, чтобы тебе рубашку купить. А он говорит: "Зачем мне ее коса нужна, у меня есть парик". Достаем мы парик, а он весь такой кудрявенький, тоже светленький, как коса. И говорим: "Вот у нас есть парик. Мы на нее парик наденем, и всё — нам такая невеста подходит". Ну, они нам говорят: "Ладно, хорошо, берем мы ваш парик, чтобы отдать невесте, чтобы она одела"*» (Зап. в 1998 г. О.В. Козициной от О.В. Деменчиковой, 1978 г.р.; рассказ о свадьбе 1997 г.).

Так же параллельно с выкупом рубашки девушек могли заставлять **выкупать веник и мыло для невесты** (веник и мыло родственники жениха должны вручить девушкам для невесты). Вместо веника часто дают мочалку, а вместо мыла — шампунь. Веник по-прежнему стремятся украсить цветами из разноцветной бумаги, маленьких ленточек. В этот комплект иногда входит и флакон духов для невесты от будущей свекрови.

Свободное отношение к ритуальности свадьбы, в том числе и к последовательности проведения обрядов, часто приводит к переносу, причем совершенно осознанному, обрядовых действий из одного этапа в другой. «А зачем жених наряжался, когда вас встречал (наряжался в шубу, малахай, очки. — *М.М.*)? Кто ему посоветовал? — *Брат его.* — Тоже это где-то видел или сам придумал? — *Просто прикололись они, нарядили его, чтоб веселей было. Он взял это со второго дня свадьбы, когда ряженые*» (Зап. в 1997 г. О.М. Аблаевой от О.Г. Кузнецовой, 1975 г.р.; рассказ о свадьбе 1997 г.).

В современной русской городской свадьбе сохраняется традиция проводить накануне дня заключения брака прощальный вечер у невесты. Все информанты называют его **девичником**. Сегодня девичник — это, как правило, небольшая вечеринка у невесты, на которой присутствуют только близкие подруги. Соответственно у жениха также накануне вечером собираются его друзья, и это часто называется **мальчишником**.

Определенная редукция ритуально-праздничной стороны на этапе подготовки к свадьбе сменяется мощным, буйным развитием праздничной обрядности в **свадебный период** — в день бракосочетания.

В современной городской свадьбе сохраняется, хотя и не носит обязательного и повсеместного характера, обряд **благословения** родителями невесты и жениха с использованием традиционных атрибутов — хлеба и иконы. Соблюдается и обычай применять традиционные обереги, но главным образом по отношению к невесте: «*всякие иголки, булавки, молитвы*» (Зап. в 1998 г. Ж.А. Васильевой от Г.В. Брежневой, 1958 г.р., рассказ о свадьбе 1998 г.).

Собранную невесту перед приездом свадебного поезда сажают за стол в одной из комнат дома. Рядом с ней, как правило, садятся или подруги, или маленькие дети (мальчик или девочка), хотя она может быть за столом и одна. Несомненно, главным на этом этапе является обряд **выкупа невесты**, в основе которого — огромное количество самых разнообразных конкурсов. Эти конкурсы готовят девушки. Они используют свой собственный опыт, обращаются за помощью к сверстницам, вышедшим замуж, иногда даже к самой невесте. Большую роль в ретрансляции традиций современной городской свадьбы сейчас начинают играть также письменные документы (описания свадебных конкурсов, надписи на

плакатах, «наказы», «дипломы», «аттестаты», поздравления и др.), видеозаписи. При этом девушки обращают внимание исключительно на «сценическую» выразительность актов, текстов, игнорируя сельское или городское происхождение традиции. «*Когда друзья с женихом приехали к даму, то они, конечно, посигналили, чтобы все услышали, что они приехали... Когда мы стали заходить в лифт, в лифте стояло перевернутое ведро (мы, конечно, не поняли, для чего это было, мы его убрали). Затем, когда мы приехали на определенный этаж, то перед нами были несколько ступенек и за каждую ступеньку надо было заплатить (платили друзья). На площадке перед квартирой нас ждали подружки невесты. Когда мы заплатили за каждую ступеньку, подружки подбежали с зеркалом, и на зеркале были отпечатки губ. Надо было найти губы невесты. За каждый неправильный ответ друг должен был платить определенную сумму. Хотя должен был угадывать один жених (сам), но ему активно помогали друзья... Затем подбежала одна из подружек невесты и предложила цветочек примерно из двенадцати лепестков. Надо было указать на любой из них, подружка вытаскивает его, переворачивает, если там имя невесты, то всё, если нет — плати деньги. Затем, когда мы уже стали подходить к двери, то перед женихом и друзьями стояла табуретка, на ней стояли четыре чашки с кофе, надо было их выпивать до тех пор, пока в одной из них не обнаружится ключ на дне (это должен делать один жених), ключ от двери, за которой находится невеста (свадьба была в общежитии). Когда ключ был найден, тогда стали пробовать открывать дверь (жених пробовал) — дверь не открывалась, а настоящий ключ оказался у подружки, за него пришлось заплатить. Когда открыли дверь, то вместо невесты сидел молодой человек, перекрашенный в невесту и с фатой на голове. Он сидел у входа и тянул к себе жениха, чтобы потребовать выкуп за него. Но друзья сильные были и не дали своего друга в обиду. Комнат было много, но жених знал, где находится невеста, и мы отправились туда (за вход в комнату опять же заплатили деньги). Нам открыли комнату, и, когда вошли, перед нами стоял стол, за ним сидела невеста, две подруги около нее, стояли мать с отцом, и перед друзьями поставили поднос и сказали, чтобы заполнили дно купюрами. Но тут одна подружка забрала эти купюры и говорит: "Вы что? Вы ничего не клали". Ну, пришлось еще платить, а уже мелких денег не было, пришлось уже большими. Потом надо было найти туфлю невесты или выкупить (одну туфлю). На этой свадьбе был один молодой человек со стороны жениха, который сразу как-то сообразил, открыл шкаф и нашел коробку, завернутую в газету. В коробке, в пакете была завернута туфля. Этот мальчик отдал ее жениху, вообще надо, чтобы жених сам надел ее невесте, но он просто отдал ее. И тут выкуп заканчивается. Вообще поиск или выкуп туфли мотивируют тем, что встают, например, а невеста без туфли — хромая, зачем она такая... и вот... не может она никак ехать без туфли. После того как туфля найдена (если туфля найдена людьми со стороны жениха) — всё, выкуп прекращается, и за туфлю денег не просят. Затем жених садится рядом с невестой (одна из подружек освобождает место), и другая подружка тоже встает. Начинают пить шампанское (за столом сидят только жених с невестой, остальные стоят) и закусывать конфетами, больше ничего; отмечают то, что выкуп состоялся. Всё, едут в ЗАГС. Но когда мы стали выходить, у подъезда общежития все служащие его перетянули выход шнуром и сказали, чтобы мы ставили на два конца две бутылки водки. Мы расплатились (водку дали родители невесты) — видно знали, чем всё это закончится. Нас тут же пропустили, и мы уехали в ЗАГС*» (Зап. в 1997 г. А.В. Трофимовой от О.В. Захаровой, 1979 г.р.; рассказ о свадьбе 1996 г.).

Из этого описания видно, что праздничное начало создается действиями обеих сторон, носящими исключительно игровой, смеховой характер. Большинство действий, а также предметов, используемых в них (банка с водой с ключом на дне, листок с отпечатками губ, яблоко с воткнутыми в него спичками, три стакана с кефиром, бумажные следы босой ноги, фотографии младенцев и др.), не традиционны, но в то же время типологически родственны традиционной свадебной обрядности. Многочисленные испытания невесты были характерны для свадьбы на второй день (молодая должна была подмести пол, принести воды, определить по ногам своего мужа и др.). В современной свадьбе эти обрядовые действия приурочиваются как ко второму дню, так и к первому. Испытания, некогда имевшие ритуальный характер, теперь стали игровыми, празднично-развлекательными, напоминающими молодежные развлечения и игры как деревенской, так и современной городской традиции. Не случайно и то, что главными дей-

ствующими лицами в этой фазе обряда, главными творцами и руководителями являются девушки.

К моменту испытаний стал приурочиваться обычай подменять настоящую невесту ложной, в роли которой могут выступать девушка, парень, женщина, даже пожилая, наряженная в одежду, имитирующую свадебную или пародирующую ее. В современной свадьбе последнее характерно для второго дня, для обряда поисков ярки. В свадебной обрядности 1920 — 1940-х гг. в сельской местности и первый и второй варианты встречались уже на запое [Матлин 1997, 13—14].

На этом этапе свадьбы достаточно сильно проявляется воздействие «письменной» культуры — девушки пишут плакаты и размещают их в подъезде по пути следования свадебного поезда (например, «*Тили-тили тесто. Здесь живет невеста*»), диалоги между сторонами жениха и девушками включают в себя стихотворные тексты, частично сочиненные подругами невесты, частично позаимствованные из других свадеб, рукописных сборников и печатных источников различного рода методических сборников, пособий по организации и проведению современной свадьбы. Знаком окончания выкупа невесты обычно является принятие ею букета от жениха.

Важнейшим ритуальным действием современной русской городской свадьбы является **посещение** после официальной регистрации некоторых **памятных мест** города. Это обелиски, памятники, места учебы или работы новобрачных. При этом некоторые «*по городу делают круг. Можно проехать по одной улице, по одной полосе, а потом по другой полосе*» (Зап. в 1997 г. М.Г. Матлиным от Ю.В. Мозиной, 1975 г.р.). Ср. в г. Сызрани Самарской обл. существует традиция проезда через семь мостов, «*на самом большом мосту машины останавливаются, и жених с невестой должны перейти его пешком*» (Зап. в 1997 г. М.Г. Матлиным от О.Н. Степанец, 1973 г.р.). Во время посещения одного из памятных мест невеста может бросить свадебный букет подругам. Хотя данное действие еще не стало общераспространенным, не закрепилось за определенным моментом свадьбы, оно начинает завоевывать популярность.

Торжественная встреча новобрачных после регистрации брака или после венчания[7] происходит или дома у жениха или в кафе, где организуется свадебное застолье. Поэтому в современной городской свадьбе встречать их могут как родители жениха, так и тамада. На некоторых свадьбах при встрече молодых обсыпают зерном, конфетами, деньгами, чтобы «*жизнь у них и сладкая была, и денег было, чтоб всего-всего в доме было много*» (Зап. в 1998 г. Ж.А. Васильевой от Г.В. Брежневой, 1958 г.р.; рассказ о свадьбе 1998 г.).

В большинстве свадеб обыгрывается каравай — хлеб круглой формы без каких-либо украшений, фигур и т.д., который покупается в магазине или заказывается в кулинарии. Родители или тамада благословляют этим караваем новобрачных; от него молодые отламывают или откусывают одновременно или по очереди. При этом считается, что у кого кусок больше, тот и будет главой семьи. Этим же караваем потом жених с невестой угощают всех гостей.

Свадебный пир, завершающий свадьбу, сегодня приобрел новый характер. Функционирование традиции на этом этапе определяется уже не только народной устной культурой, но культурой профессиональной, специализированной. Во-первых, в большинстве случаев организатором застолья является тамада. Во-вторых, обрядность современного свадебного застолья представляет собой результат сложного взаимодействия трансформированной свадебной традиции, современных застольных обычаев и целенаправленной деятельности органов культуры в 1970 — 1980-е гг. по формированию и внедрению в быт новых празднично-обрядовых форм (см. например [Батурин 1980; Заградская 1980; Лейтсаду 1983]).

В роли тамады могут выступать профессиональные работники культуры, сотрудники различных агенств и фирм по проведению торжеств, юбилеев, презентаций, частные предприниматели, а также родственники и знакомые, для которых это хобби. Выше мы уже приводили пример тамады — женщины старшего поколения, родом из деревни, опирающейся в организации и проведении свадеб на сельскую традицию 20 — 40-х гг. XX в. Другой тип тамады — представитель среднего поколения, В.В. Григорьев (1969 г.р., руководитель молодежного эстрадного театра «Виртуозы Симбирска»). Он имеет достаточно большой стаж проведения свадеб, собственные празднично-игровые разработки, так что его вполне можно назвать профессионалом, хотя он и не имеет специального образования.

[7] Сегодня венчание в городе встречается часто и находит психологическую и мировоззренческую поддержку у людей.

Все современные ведущие свадебного застолья работают по сценарию, включающему в себя как празднично-развлекательную часть («игровую программу»), так и ритуально-обрядовую (знакомство породнившихся родов, вручение подарков молодым, обозначения нового семейного статуса членов породнившихся семей, порядок подачи блюд и др.), причем эти два аспекта органично слиты друг с другом. Предварительно общий ход гулянья оговаривается с родителями молодых. Наличие сценария, однако, не лишает гостей возможности импровизации в проведении застолья, они могут индивидуально проявлять себя в обрядовых актах и играх, в конкурсах, организуемых тамадой. Так, в городскую свадьбу могут входить элементы, характерные преимущественно для сельской традиции: «*Одна родственница, тоже со стороны невесты, приехала из деревни с подарками, и очень понравилось, как она вручала эти подарки:*

Еще, Гелена и Ярослав,
Дарю я вам два платочка,
Чтобы были у вас сын и дочка.
Дарю я вам мыло,
Чтоб душа не ныла.
Дарю вам носки,
Чтобы не было тоски.
Дарю вам бумажки,
Чтоб не ходил Ярослав к другой Дуняшке.
Дарю серебро,
Чтобы велося добро.
Дарю я вам меди,
Чтоб не жили Ярослав и Гелена, как медведи».

(Зап. в 1998 г. О.В. Козициной от О.В. Деменчиковой, 1978 г.р.; рассказ о свадьбе 1997 г.).

Вручение подарков молодым даже в современной городской свадьбе сохраняет ритуально-обрядовую природу. Это проявляется в регламентации процесса вручения подарков, очереди вручения подарков (сначала родители, потом близкие родственники, далее остальные гости), поведения молодых при этом. «*Жених с невестой во время поздравления стояли и всем говорили спасибо. Нельзя было садиться*» (Зап. в 1998 г. О.М. Аблаевой от Е.В. Савостьяновой, 1977 г.р.; рассказ о свадьбе 1998 г.).

Традиционное для современной свадьбы обозначение нового семейного статуса членов породнившихся семей происходит в форме зачитывания «указов», вручения «паспортов», «дипломов». Но и в этих празднично-игровых формах сохраняется ритуально-обрядовая сторона: «*Потом свидетель со свидетельницей поздравляли. И всё это было в стихотворной форме. Они разделились: свидетельница читала наказ жениху и свекрови со свекром, а свидетель — наказ невесте и теще с тестем*» (Зап. в 1998 г. О.М. Аблаевой от Е.В. Савостьяновой, 1977 г.р.; рассказ о свадьбе 1998 г.). «Паспорта», «дипломы» представляют собой смеховое обыгрывание реальных документов: гражданского паспорта, технического паспорта и др.

Новобрачным иногда вручаются «медали». Это кружочки диаметром от 5 до 15 см из металла, картона или другого плотного материала. К ним может прилагаться специальный «документ», определяющий «права и обязанности награжденных». Очень популярны на современной свадьбе поздравительные телеграммы комического характера. Часто они пишутся на подлинных бланках телеграмм, что в сочетании с нетрадиционными адресными данными и самим текстом усиливает смеховое начало. Вот образцы телеграмм, зачитанных на свадьбе 1986 г.: «*Город Вечной любви, улица Розовых слов, Елене, Алексею. Дорогие молодожены зпт поздравляем вас с началом медового месяца = общество пчеловодов =*»; «*Город Вечной любви, улица Розовых слов, Елене, Алексею. Товарищи молодожены вскл идите только прямой дорогой тчк взгляд налево может привести к семейной катастрофе = автоинспекция =*» [Матлин 2002].

На современной городской свадьбе звучат разнообразные песни, но обязательно в программу включаются песни о свадьбе, о семье (например, «Обручальное кольцо», «Мы желаем счастья Вам», «Погода в доме», «Родительский дом»). Популярными остаются песни, танцы под баян.

Окончанием свадебного гулянья часто становится так называемый «торт невесты» — самый большой и красивый торт, который ставится на стол перед новобрачными и который должна разрезать только сама невеста. Молодые, как правило, уезжают с гулянья до его окончания. Первая брачная ночь может проходить в одном из родительских домов, на квартире, которую они снимают, в номере гостиницы и др.

Второй день свадьбы в основном проходит без специальных организаторов. Свадебный стол может быть там же, где был накануне; в доме у родителей молодой или молодого. И в областном центре, и в городах областного подчинения (в том числе и в селах) этот день наиболее насыщен обрядностью. Сюда входят обряд **поисков ярки, испытания мо-**

лодой, **яичница для жениха** и некоторые другие. Конечно, и эти ритуалы не имеют в городе повсеместного распространения, совершаются с разной степенью полноты, театрализации. Эротическое начало в обряде поисков ярки, в том числе и в поэтических текстах, входящих в него, может приглушаться или, наоборот, усиливаться в зависимости от социального положения, уровня образования, наличия / отсутствия на свадьбе родственников из деревни и проч. Вообще увидеть на городских улицах, особенно на окраине г. Ульяновска, ряженых участников обряда поисков ярки можно достаточно часто. Как и в сельской местности, это преимущественно женатые мужчины и замужние женщины, представители среднего поколения (от 30 до 55 лет), хотя в городе не редкость и участие в обряде молодых неженатых парней. Обряд поисков ярки обладает и устойчивостью, и импровизационностью. Так, набор персонажей обязательно включает в себя врача (сейчас всё чаще врача-гинеколога), военного или милиционера (возможно и того и другого), невесту и жениха, цыганку и т.п. Ряженые — это женщины, переодетые в мужскую одежду, или, наоборот, мужчины в женской одежде. Более или менее стабильны действия, которые они совершают: врач-гинеколог лечит от СПИДа, определяет, беременна невеста или нет и кто у нее — мальчик или девочка; невеста и жених изображают страстно влюбленную друг в друга пару; все ряженые пристают к прохожим и т.д. Традиционным стало зачитывание после нахождения ярки (почти всегда ищут не одну молодую, а двоих — молодого с молодой) «заявления», «протокола», в которых продолжают свою жизнь особые формы народной эротической смеховой культуры.

Составные части обряда поисков ярки могут быть индивидуальными, нетипичными, как, например, нетипичен, с точки зрения традиционного набора персонажей, Карлсон (Зап. в 1998 г. О.М. Аблаевой от Е.В. Савостьяновой, 1977 г.р.; свадьба 1998 г.). Нетипично удвоение системы персонажей (ряженые с одной и той же ролью) за счет стороны жениха. Вообще во время этого обряда, особенно при проходе ряженых от одного дома к другому, всегда возникают неожиданные ситуации, которые могут разыгрываться участниками, превращаясь в небольшие театрализованные сценки.

Тексты, исполняемые на второй день, объединяются эротическим смеховым началом. Это относится и к частушкам, которые исполняются на большинстве свадеб, и к таким достаточно редким текстам, как комические рассказы, стихи и песни.

На второй день может происходить угощение тещей новобрачного **яичницей**. В зависимости от того, как, с какого места молодой начинал есть, определяли, какая (честная или нет) была невеста.

Обязательным элементом второго дня и на городской свадьбе продолжает оставаться обряд **испытания молодой** (и молодого). Хотя его уже нельзя назвать обрядом в строгом смысле слова, ибо он, как и многочисленные конкурсы во время выкупа невесты, имеет в современной свадьбе игровой, развлекательный характер, мы будем использовать данный термин, подчеркивая этим его включенность в обрядовую действительность. Из зафиксированных испытаний прежде всего отметим такой традиционный для свадьбы первой половины XX в. на территории Ульяновской обл. свадебный акт, как **называние невестой родителей мужа** (информанты во многих селах называют его «поздравление»): молодая должна была поклониться родителям мужа и сказать «здравствуйте, тятенька» и «здравствуйте, мамынька». По тому, с какой интонацией она произнесет эти слова, судили о ее характере. В современной городской свадьбе это установление новых родственных отношений, их публичное оглашение, как мы показывали выше, по-прежнему является обязательным элементом, однако теперь это совершается в другой форме и не при встрече молодых, а во время свадебного застолья.

В завершение описания современной городской свадьбы необходимо отметить, что круг обрядов, составляющих ее, отличается многообразием и обилием ритуальных действий. Современная городская свадьба с переосмысленными и трансформированными элементами традиционного свадебного обряда первой половины XX в. (городского и сельского) существует наряду с так называемой «гражданской» свадьбой, составляя примерно 53 % от общей численности свадеб в городе [Шабалина 1997, 106]. В целом имеющийся материал дает возможность утверждать, что для среднего провинциального города, каким является, в частности, Ульяновск, характерно наличие устойчивой свадебной обрядовой традиции, исторически нового типа традиционной свадьбы (городской подтип), имеющего определенные региональные особенности.

Литература

Анашкина 1997а — *Анашкина Г.П.* Современный брачно-свадебный обряд // Основы полевой фольклористики: Сборник научно-методических материалов. Ульяновск, 1997. С. 46—50. (Проблемы полевой фольклористики. Вып.1).

Анашкина 1997б — *Анашкина Г.П.* Современные свадебные обычаи и обряды русского населения села Приволье Кузоватовского района Ульяновской области // Свадебная обрядность на территории Ульяновской области: Материалы и исследования. Ульяновск, 1997. С. 42—51.

Анашкина, Шабалина 1995 — *Анашкина Г.П., Шабалина Л.П.* Свадебный обряд // Семья Ульяновской области: Традиции и новации. Сб. статей. Ульяновск, 1995. С. 27—37.

Байбурин 1983 — *Байбурин А.К.* К ареальному изучению русского свадебного обряда // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Л., 1983. С. 92—97.

Балашов 1985 — *Балашов Д.М.* От полевой записи к изданию: (Современное состояние свадебного обряда) // Русский фольклор. Т. 23: Полевые исследования. Л., 1985. С. 83—87.

Батурин 1980 — *Батурин Н.* Пригласите тамаду, если хотите весело сыграть свадьбу // Советская культура. 1980. 14 октября.

Гура 1978 — *Гура А.В.* Опыт выявления структуры севернорусского свадебного обряда: (По материалам Вологодской губ.) // Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы. Л., 1978. С. 72—88.

Гура 1981 — *Гура А.В.* Опыт ареальной характеристики славянского свадебного обряда и его терминологии // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 261—278.

Гура 1983 — *Гура А.В.* Лингвоэтнографические различия и общность в маргинальной зоне русского севера (на материале свадебного обряда) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Л., 1983. С. 233—237.

Жекулина 1982 — *Жекулина В.И.* Исторические изменения в свадебном обряде и поэзии: (По материалам Новгородской обл.) // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 237—253.

Жирнова 1980 — *Жирнова Г.В.* Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем: (По материалам городов средней полосы РСФСР). М., 1980.

Заградская 1980 — *Заградская С.* Свадьбе — сценарий? // Клуб и художественная самодеятельность. 1980. № 14. С. 23—24.

Зорин 1981 — *Зорин Н.В.* Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань, 1981.

Каган 1996 — *Каган М.С.* Философия культуры. СПб., 1996.

Карпухин 1970 — *Карпухин И.Е.* Современное состояние свадебных обрядов русских в Башкирии: (По записям последних лет) // Современное состояние народного творчества: Прогр. конф. и тез. докл. Л., 1970. С. 98—100.

Круглов 1971 — *Круглов Ю.Г.* Процессы изменения свадебных обрядов на Севере: (По материалам трех экспедиций [в Вологодскую и Архангельскую обл.]) // Филологический сборник: (Статьи аспирантов и соискателей). Вып. X. Алма-Ата, 1971. С. 91—109.

Лейтсаду 1983 — *Лейтсаду И.* Тамада на свадьбе // Культурно-просветительная работа. 1983. № 5. С. 57—61.

Матлин 1997 — *Матлин М.Г.* Русская народная свадьба села Акшуат Барышского района Ульяновской области: (По материалам фольклорно-этнографической экспедиции 1997 г.) // Свадебная обрядность на территории Ульяновской области: Материалы и исследования. Ульяновск, 1997. С. 5—26.

Матлин 2002 — *Матлин М.Г.* Письменные «документы» как вербальный компонент современной русской свадьбы // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2002. С. 180—196.

Невская 1982 — *Невская Т.А.* Традиционная и современная свадьба сельского населения Ставрополья // Советская этнография. 1982. № 1. С. 89—101.

Перепись населения 1988 — Число и состав семей Ульяновской области. По данным всесоюзной переписи населения 1988 г. Ульяновск, 1991.

Путилов 1994 — *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. СПб., 1994.

Пушкарева, Шмелева 1959 — *Пушкарева Л.А., Шмелева М.Н.* Современная русская крестьянская свадьба: (По материалам экспедиции в Калининскую область в 1956 — 1958 гг.) // Советская этнография. 1959. № 3. С. 47—56.

Статистический сборник 1994 — Численность, естественное движение и миграция населения Ульяновской области: Статистический сборник. Ульяновск, 1994.

Толстой 1974 — *Толстой Н.И.* Некоторые вопросы соотношения лингво- и этнографических исследований // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974. С. 16—21.

Толстой 1995 — *Толстой Н.И.* Этнокультурное и лингвистическое изучение Полесья (1984 — 1994) // Славянский и балканский фольклор: Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995. С. 5—18.

Шабалина 1972 — *Шабалина Л.П.* Динамика численности и состав населения Ульяновской области // Материалы для учителей географии. Ульяновск, 1972.

Шабалина 1997 — *Шабалина Л.П.* Структура и быт семьи народов Среднего Поволжья. Ульяновск, 1997.

Щуров 1986 — *Щуров В.М.* О региональных традициях в русском народном музыкальном творчестве // Музыкальная фольклористика. Вып. 3. М., 1986. С. 11—47.